

Цю Хуанянь намеренно состроил скорбную мину:

— Я ведь уже не дитя, неужто стану тайком выливать лекарство?

В глазах Ду Юньсэ заплясали искорки смеха. То, как Хуа-гээр каждый раз собирался с духом перед миской с отваром, как раз больше всего и напоминало поведение ребёнка.

— Снадобья, что мы привезли из города, хватит ещё дней на десять. Как раз закончим главный дом и флигели, и тогда съездим в уезд — попросим лекаря выписать новый рецепт.

При мысли о горьком пойле юноша тяжело вздохнул, и на этот раз вполне искренне. Впрочем, стоило признать: лекарство старого господина Гу помогало. Голова кружилась всё реже, слабость отступала, и лишь руки с ногами даже в летний зной оставались ледяными.

Каменщик с двумя сыновьями, стремясь закончить работу в срок, поселились прямо в деревне Ду. В старую хижину они не пошли — соорудили в саду временный навес из соломы и старых одеял, используя его как временное жильё. Обедали мастера тоже отдельно: привезли свои котлы и устроили очаг, так что Хуаняню нужно было лишь снабжать их продуктами.

Чтобы каменщики работали усерднее, юноша частенько добавлял к припасам яйца, белый рис или муку высшего сорта, и те и впрямь старались всюю.

Летнее солнцестояние уже миновало, и в свои права вступило настоящее лето. Даже когда солнце клонилось к закату, зной не отступал, а воздух казался тяжёлым и неподвижным.

Хуанянь снял крышку с котла и принялся вылавливать лапшу «цянго» с квашеной капустой. Е Таохун, мать Цуньлань, прошлой осенью заготовила столько солений, что никак не могла доесть, а потому щедро одаряла всех добрых соседей. В жару такая капуста долго не живёт: в древности холодильников не знали, и как ни береги кадушку, на рассоле со временем неизбежно проступает белая пена.

Поскольку запасов солений в доме накопилось много, хозяин то и дело придумывал новые блюда. Сегодняшняя лапша была одним из таких решений. Рецепт прост: мучная лапша, капуста, яйца, а из приправ — лишь лук, соль, немного соевого соуса да одна звёздочка бадьяна.

Сперва Хуанянь разбил в миску три яйца, взболтал их палочками и вылил на раскалённую сковороду. Яйца нужно было обжарить до уверенной золотистой корочки, чтобы они сохранили вкус и текстуру после варки в бульоне. Выложив их, он приступил к следующему шагу.

Главный секрет такой лапши — лук, и его должно быть много. Юноша срезал в огороде целую

охапку зелёных перьев, вымыл и мелко нарубил по косой. Влив в котел добрую порцию масла, он бросил туда лук вместе с бадьяном.

Вскоре луковые перья стали золотисто-коричневыми, съжились в горячем масле, и по двору поплыл такой густой аромат, что Цзюцзю невольно отвлеклась от шитья. Даже Чуньшэн в главной комнате то и дело косился в окно, делая вид, что занят уроками.

Когда луковое масло настоялось, Хуанянь промыл квашеную капусту в холодной воде, нарезал тонкой соломкой и отправил в котел. Пар и жар от огня смешались, наполняя двор сложным, вызывающим аппетит запахом. Капуста размягчилась, стала полупрозрачной — значит, этап «цянго» завершен. Хуанянь влил воду, вернул в котел яйца, добавил соль и соевый соус. Как только бульон бурно закипел, он забросил лапшу ручной лепки.

Лапша была толстой и сытной, ей нужно было немного настояться под крышкой. Когда юноша наконец открыл котел, тесто впитало в себя ароматный навар, став мягким и лоснящимся. Золотистый блеск блюда будил зверский аппетит.

Разложив еду по мискам, Хуанянь позвал всех к столу. После обжарки вкус капусты перестал быть резким; благородная кислинка в сочетании с луковым ароматом была именно тем, в чём нуждался желудок в этот душный вечер. Сидеть во дворе, когда небо уже начинает синеть, ловить лицом редкие порывы вечернего ветерка и есть такую лапшу — это и было подлинное счастье.

Обычно в жару ни у кого не было аппетита, но этим вечером Цзюцзю и Чуньшэн опустошили свои миски дочи́ста. Хуанянь положил себе добавку, а Ду Юньсэ и вовсе съел две полных порции. Чуньшэн наверняка бы уже всю канючил, чтобы братец Хуа готовил так почаще, но, помня, что он всё ещё «в ссоре» со взрослыми, лишь переминался с ноги на ногу, так и не решившись заговорить.

Хуанянь прекрасно видел терзания младшего, но не подал виду. С ласковой улыбкой он переложил остатки лапши в чашу и отнёс каменщикам в сад — лапша не может ждать до утра, она слипнется, а мастерам, занятым тяжёлым трудом, лишняя еда только в радость.

Ду Юньсэ пошёл вместе с ним, чтобы заодно проверить, как продвигается стройка. Прошло всего десять дней, но благодаря щедрости хозяина и помощи нанятых парней работа шла быстрее, чем ожидали. Стены главного дома и флигелей уже стояли, оставалось лишь поднять балки, покрыть крышу черепицей, вставить окна и двери да сложить каны.

Двери и рамы нужно было заказывать особо. К тому же в новом просторном доме и мебели требовалось побольше. Хуанянь решил через пару дней снова съездить в город за покупками. Сейчас в его распоряжении было целых двадцать семь лянов серебра — вполне приличная сумма, если тратить её с умом.

Покупка сада вдовы Чжуан обошлась в полтора ляна, работа мастеров — в три, деревенским парням причиталось чуть меньше ляна, а на кирпич, черепицу и лес ушло десять. Итого новый

дом уже стоил больше пятнадцати лянов. Но за надёжные стены и просторный двор никаких денег было не жалко.

На следующий день, едва забрезжил рассвет, Хуанянь и Ду Юньсэ запрягли мула и отправились в уездный город, стремясь закончить дела до полуденного зноя. В южной части города юноша нашёл уважаемого столяра и заказал у него двери и оконные рамы, а заодно присмотрел несколько готовых предметов мебели. Оставив задаток, они договорились, что всё привезут в деревню Ду через пять дней.

Ду Юньсэ, глядя на старого мастера, весь разговор хранил молчание. Хуанянь заметил его состояние и, выйдя на улицу, осторожно потянул мужа за рукав.

— Юньсэ, ты в порядке?

Тот вздрогнул, возвращаясь из своих мыслей, и качнул головой:

— Всё хорошо. Нам ведь ещё нужно купить хлопок и ткань? Пойдём.

Оставив повозку на постоялом дворе, они пошли по узким, петляющим улочкам Наньчэна. Хуанянь, не глядя на мужа, тихо произнёс:

— Если у тебя на душе беспокойно, можешь поделиться со мной. Не бойся показаться слабым, мы ведь теперь не чужие люди.

Его чистый голос прозвучал мягко на фоне городского шума. Ду Юньсэ замедлил шаг, явно тронутый этими словами. Помолчав, он заговорил глухо:

— Я просто вспомнил отца. Прошло столько лет... я начал забывать, как он выглядел.

— Девять лет назад, когда я стал первым на уездном экзамене, я возомнил, что готов ко всему, и решил ехать в префектуру сдавать на туншэна. Отец не сказал ни слова против. Он молча отвел на рынок недорощенного кабанчика из нашего загона, продал его и повез меня в путь.

— В городе всё стоило безумных денег. Отец заболел, не выдержав дороги и чужого воздуха, но мы дождались конца экзаменов. Когда вернулись в Чжан, узнали, что я снова стал первым — «Лидером префектуры». В тот день отец хохотал на весь город. Он купил мне миску горячих вонтонов на маленьком лотке, смотрел, как я ем, и вдруг украдкой вытер слёзы.

— Через месяц предстоял экзамен уровня префектуры. Отец хотел, чтобы я ехал дальше, но в доме не осталось ни гроша на дорогу.

Юньсэ говорил медленно, и его голос почти терялся в воздухе, так что слышать его мог лишь Хуанянь.

— Вскоре слух о десятилетнем мальчике, ставшем дважды лучшим на экзаменах, дошёл до тогдашнего управляющего образованием. Он приехал в деревню Ду вместе с моим будущим наставником, который как раз проезжал мимо. Наставник Вэнь почувствовал, что мы с ним в ладу, и захотел взять меня в ученики. Но у него не было времени ждать — нужно было ехать немедленно. Я был мал и колебался, а отец сказал: «Путь мужчины — за горизонтом», и велел собираться.

— В утро отъезда он долго шёл за повозкой. Я всё оглядывался, смотрел на него... Тот взгляд был последним. Больше мы не виделись.

Голос Юньсэ в самом конце дрогнул и прервался.

Хуанянь, скрыв это широким рукавом, крепко сжал его ладонь. Любые утешения сейчас казались лишними, он просто шёл рядом, давая мужу выговориться — сказать то, что Ду Юньсэ не мог произнести в свои десять лет.

Они дошли до лавки торговца хлопком, но за прилавком сидел уже другой человек — прежний хозяин уехал. Юноша купил десять цзиней хлопка и пять рулонов изящной ткани для новых постелей. Приказчик в лавке тканей узнал их и, услышав, что Юньсэ стал сюцаем, рассыпался в поздравлениях. Если бы не твёрдость духа Хуаняня, их бы наверняка уговорили купить ещё гору ненужных вещей.

Закончив с покупками, они зашли в бюро эскорта «Ваньши». Юньсэ хотел отправить письмо У Шэню и сообщить о своём успехе. Увидев их, один из охранников хлопнул себя по лбу:

— Как вовремя! Сегодня утром из гарнизона Цзиншань пришло письмо от молодого господина У для господина Ду. Мы как раз собирались отправить его в вашу деревню.

— Письмо от У Шэня?

Ду Юньсэ развернул послание. Пробежав глазами короткие строки, он нахмурился. Хуанянь обеспокоенно заглянул ему в лицо, но муж лишь сложил бумагу и убрал её за пазуху:

— Дома обсудим.

Лишь на обратном пути, когда вокруг не осталось лишних ушей, Юньсэ поделился новостями. Хуанянь не сдержал испуганного вздоха:

— На границе снова война?

— С самого основания Юй рубежи никогда не были в полном покое. Но после того, как император лично возглавил поход пятнадцать лет назад, северные татары лишь мелко пакостили, — Ду Юньсэ, будучи учеником Вэнь Хойяна, хорошо разобрался в делах государства. — У Шэнь пишет, что набеги внезапно стали яростнее. Он отличился в бою, пролил кровь, но из-за опалы своего отца вряд ли может рассчитывать на награду или чин.

Впрочем, самого У Шэня это мало заботило. В письме он больше хвалился подвигами, но под конец высказал серьёзное опасение.

— Император после восшествия на престол железной рукой навёл порядок в войсках. На границах стоят лучшие полки. В последний раз кочевники прорывались через заставы двадцать лет назад, когда на северо-востоке был страшный голод. Но У Шэнь пишет: у татар в этот раз подозрительно много провианта для этого времени года. И клинки у них — новые, острые. Хотя они и не чета нашим, это заставляет задуматься.

Хуанянь нахмурился. Кочевники севера — народ вольный, но у них нет ни кузниц для доброй стали, ни полей для зерна. У них отличные кони, но мало оружия и вечный голод — потому они и не могли всерьёз угрожать границам Юй.

В империи всегда действовал строжайший запрет на продажу железа в степь. И то, что у татар появилось новое оружие — знак недобрый.

— Неужто кто-то в Срединных землях тайно шлёт им сталь?

— Оружие в наших краях — вещь подконтрольная, — помрачнел Юньсэ. — Простому купцу такое не под силу. Боюсь, корни этой беды уходят глубоко в столичные палаты.

Чиновники? Полководцы? Знать или родичи императора?

Ду Юньсэ коснулся пальцами лба Хуаняня, разглаживая тревожную складку. Они жили в глуши, и заботы мира были им не по плечу.

— У Шэнь наверняка доложил об этом в докладе. Железо — дело серьёзное, государь велит всё разузнать.

Хуанянь кивнул. Уезд Чжан не так уж далеко от границ — три-четыре дня скорым аллюром. Оставалось лишь надеяться, что их мирная жизнь не будет разрушена.

Вести из письма казались чем-то далёким. Вернувшись в деревню, Хуанянь с головой ушёл в хлопоты и вскоре позабыл о тревогах. Через несколько дней жилые комнаты и галереи были готовы, а столяр привез мебель.

Юноша пригласил мастера по канам, и тот сложил тёплые лежанки в главном доме и обоих флигелях. Боковые комнаты — эрфаны — остались без канов. В восточной поставили книжные полки и отполированный стол — там Ду Юньсэ устроил себе кабинет; в западной же каменщики сложили большую печь на два котла — теперь там была просторная кухня. После постройки задних комнат одну из них выделяют под кладовую.

Хуанянь и Ду Юньсэ заняли главные покои. Западный флигель отошёл Цзюцзю, восточный — Чуньшэну. Наконец-то никто не теснился, у каждого был свой угол.

Хозяин дома не стал затевать пышного убранства, но о мелочах позаботился: новые циновки на каны, свежее бельё из купленной ткани, новые тюфяки и одеяла. Кое-какую мебель купили у столяра, а старые, добротные вещи из хижины Хуанянь вместе с помощниками зачистил песком, покрыл тунговым маслом и заново отполировал — в новом доме они смотрелись не хуже новых.

На восемнадцатый день стройки семья наконец покинула старую мазанку. Внешние стены усадьбы были почти закончены, и как только они переехали, старые лачуги пустили под снос, чтобы на их месте выстроить службы и разбить сад.

Последний обед в старом доме Хуанянь готовил на закопчённом очаге, а ужинали уже в новой пристройке. Теперь хозяин дома мог не бояться ни ветра, ни дождя — на кухне всегда было сухо и светло.

Стоя в просторных, залитых светом комнатах, Чуньшэн от восторга не мог вымолвить ни слова. Цзюцзю долго молчала, а потом вдруг украдкой вытерла слёзы. Неужели это всё — их? Настоящая усадьба под черепицей, красивый двор... Даже в городке мало кто мог позволить себе такое жильё.

Прежде лучшим в деревне Ду считался дом Ду Баоцюаня — он был новее, чем у главы клана. Но рядом с новой усадьбой Хуаняня он мгновенно померк. Чего стоили одни лишь боковые покои, широкие свесы крыш и изящные переходы-галереи! Позже здесь появятся и задние комнаты, и отдельный сад с собственной калиткой — всё по городскому обычаю.

Деревенские знали, что так строить красивее и удобнее, но жалели денег на лишний кирпич и лишние дни работы мастеров. Лишь Хуанянь, не знающий нужды и ценящий уют, не поспешил на размах.

И хотя стройка ещё не была завершена до конца, соседи уже потянулись к ним с подарками — кто нёс овощи, кто фрукты, лишь бы хоть глазком взглянуть на диковинный дом. Слух об усадьбе разлетелся по всей округе. Из поместья цзюйжэня Суна в городке Таохуа прислали слугу с подарками: чайный набор из жуской керамики и пару ваз в честь новоселья. После того как Юньсэ стал сюцаем, отношение семейства Сун заметно потеплело.

Ду Юньсэ в ответ передал две собственноручно переписанные древние книги. Это были редкие труды, которые не найти в лавках — Юньсэ читал их лишь благодаря наставнику Вэню. Такое

подношение было самым достойным ответом.

Хуанянь убрал чайный набор, а вазы с пионами поставил на стол в главной комнате. Они удивительно ладили с картиной, которую юноша сам нарисовал для центральной стены.

В первую же ночь в новом доме Хуаняня одолела бессонница. В городе они с Юньсэ уже спали в одной комнате больше десяти дней, и между ними даже случались вольности, но то было на чужбине. Здесь же, под собственной крышей, в тишине родного дома, всё ощущалось иначе.

Юноша перевернулся на новом, пахнущем свежестью тюфяке и, подперев голову рукой, посмотрел на мужа. Ду Юньсэ даже во сне держался чинно: руки по швам, линия челюсти в лунном свете кажется безупречной. Хуанянь легонько ткнул его пальцем в подбородок, пробуждая от дрёмы.

Тот мгновенно открыл глаза и спросил охрипшим со сна голосом:

— Что случилось, Хуа-гээр?

Он уже собрался сесть, но Хуанянь поспешно его остановил:

— Ничего, спи. Я просто не думал, что ты уже заснул.

Муж мягко ответил, что ничего страшного, поднялся и налил ему немного тёплой воды. Хуанянь отпил пару глотков и признался, уткнувшись в подушку:

— Не спится мне.

Супруг лёг рядом, готовый слушать.

— Просто вспомнил, как всё начиналось... — Хуанянь имел в виду своё появление в этом теле, но Юньсэ понял это по-своему. — Соломенная крыша, развалившийся кан... А теперь — большой дом, кирпичный пол. Будто во сне всё.

Ду Юньсэ ощутил укол в сердце:

— Тебе пришлось несладко.

Хуанянь лишь рассмеялся:

— Да брось ты. В мире полно людей, кому куда хуже нашего. Вместо того чтобы жаловаться, надо делом заниматься. Видишь? Теперь у нас отличный дом.

Юньсэ не знал, смеяться ему или вздыхать. Хуа-гээр всегда был таким — полным надежд и жажды жизни. Как-то раз он в шутку назвал себя «королем конкуренции», и хоть Юньсэ не понял слова, смысл запомнил.

Они перекинулись парой фраз, но сон к Хуаняню так и не шёл. Напротив, в душе заиграло озорство. Он потянул мужа за рукав ночной рубашки.

— Юньсэ, неужто у тебя совсем никаких мыслей нет?

Тот сперва не понял:

— Мыслей? О чём?

— Ну как же... И месяц замер меж ветвей, и настезь дверь, и тень цветов дрожит, и будто лик прекрасный...

— Хуанянь! — Ду Юньсэ поспешно перебил его, с трудом переводя дух. — Где ты только набрался этих... этих бесстыдных стихов?

«В будущем выучил, там в каждой книжной лавке такие драмы о любви и борьбе с устоями», — подумал Цю Хуанянь.

Разумеется, делиться такими откровениями с мужем он не стал, но саму ситуацию находил весьма забавной. Юньсэ был слишком серьёзен, и это невольно подталкивало юношу к тому, чтобы снова и снова испытывать на прочность его выдержку.

Он опёрся подбородком на ладонь и прищурил свои лисьи, чертовски притягательные глаза:

— А что такого? Я же не на улице при людях декламирую. Сейчас ночь, кругом ни души. Даже мудрецы говорили, что любовь — это природа человека. Да и ты сам, неужто никогда не желал...

— М-м-м...

Остаток фразы Хуаняня утонул в глубоком поцелуе. Он обхватил мужа за плечи, на губах заиграла торжествующая, хитрая улыбка. Когда поцелуй закончился, юноша уже вовсе обживал чужое одеяло. Ду Юньсэ, вздохнув, обнял своего маленького супруга — прогнать его не хватало сил, да и желания. Оставалось лишь упражняться в терпении.

А Хуанянь, добившись своего, сладко зажмурился. Счастливый, он пристроился на плече у Юньсэ, и вскоре его дыхание стало ровным и глубоким. Ду Юньсэ поцеловал его в лоб и поудобнее устроил своего неугомонного муженька, засыпая вместе с ним.

Через пару дней забор и ворота были полностью готовы, а задние комнаты обрели законченный вид. Ду Юньсэ пропадал на хлопковом поле, а Хуанянь в одиночестве читал в главной комнате, когда снаружи его кто-то окликнул.

Юноша и Цзюцзю услышали голос и подошли к дверям. Открыв ворота, они увидели соседа, с которым были в ладу.

— Хуа-гээр, я тут у въезда в деревню встретил чужака. Он про дом Юньсэ расспрашивал. Я побоялся чего недоброго, указал ему дорогу в объезд, а сам к вам прибежал — предупредить.

После той истории, когда госпожа Чжао сговорилась с семьёй Цю, чтобы продать Хуаняня, деревенские стали настороже. Тем более что незнакомец говорил совсем не на ляочжоуском наречии.

— Спасибо, дядя Баошань. А как он выглядел?

— Гээр, лет двадцати с небольшим. На коне. Больше ничего приметного, но говорит точь-в-точь как те столичные люди, что я в уезде видал.

Баошань ушёл, а Хуанянь задумался. Столичный выговор... Скорее всего, этот человек прибыл к Ду Юньсэ. Он велел Цзюцзю немедля бежать в поле за братом.

<http://bllate.org/book/15363/1414531>